

Семейная Сага Яблоне́вый сад

Пётр Фарфудинов

Пётр Фарфудинов

Полное собрание саги

«Яблоне́вый сад»

<https://litres.ru/74011723>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Яблоне́вый сад Шумовых» — это семейная сага, охватывающая пятьдесят лет жизни одной семьи: от знакомства Павла и Ольги в майском Брянске до взросления их внуков в тени сада, который стал символом надежды.

Первая книга — «Корни»: детство Павла в Дятькове, дед-разведчик, бабушка с военными песнями, первая работа на тракторе, суды, где мать председательствует.

Вторая — «Встреча»: любовь Павла и Ольги, съёмная квартира, рождение Полины и Насти, бедность и первые победы, предательство друга и возвращение в адвокатуру.

Третья — «Испытания»: война с олигархом Белецким, похищение Насти, спецоперация по освобождению, болезнь Ольги и великий суд, где Павел побеждает врага.

Четвёртая — «Тихая сила»: детство Ольги, потеря отца, жертва карьерой, двадцать четыре года любви, яблоня, посаженная в день выздоровления, и мудрость, которая держит всю семью.

Пятая — «Новое поколение»: Георгий и Вера, первая любовь, выбор пути, конфликты с родителями, болезнь Павла и обещание: сад будет жить всегда.

Пётр Фарфудинов

Полное собрание саги

«Яблоневый сад»

Полное собрание саги «Яблоневый сад»

Книга 1: *Корни (детство Павла, истоки)*

Книга 2: *Встреча (любовь, бедность, рождение дочерей)*

Книга 3: *Испытания (Белецкий, судьбы, угрозы, похищения)*

Книга 4: *Тихая сила (история Ольги, её детство, жертва, любовь)*

Книга 5: *Новое поколение (Георгий, Вера, сад, взросление)*

Часть первая. ГОРОД И ЧЕЛОВЕК

Брянск не любит суеты. Он встречается не неоновыми вывесками и не автомобильными пробками, а тишиной над Десной, запахом соснового бора с окраин и строгими купеческими особняками в центре. Это город воинской славы, где каждый третий дом помнит войну, партизанские костры и долгую, трудную Победу. Здесь время течет иначе — степенно, с достоинством, без фальши.

Над городом возвышается Покровская гора. С нее видно слияние двух рек — Десны и Болвы, — видно кресты церквей, черепичные крыши, уходящие вдаль ленты железной дороги. Сюда, к смотровой площадке, рано утром, когда город еще не проснулся, часто приходит человек, о котором в Брянской области говорят с особым уважением. Его имя — Павел Валерьевич Шумов. Адвокат. Муж. Отец двоих дочерей. Русский офицер в самом высоком смысле этого слова.

Глядя на реку и лесные дали, он молчит. Иногда — несколько минут. Иногда — дольше. Помощница однажды спросила его:

— Павел Валерьевич, о чем вы думаете там, на горе?

— О вечном, — усмехнулся он. — И о том, как сегодня выиграть дело в Карачевском суде. И о том, успею ли вечером с дочкой в шахматы сыграть.

Вот так в его душе всегда сплетены в один узел высокое и земное, вечное и сегодняшнее. Он не носит погоны уже больше двадцати лет, но его выдают привычки, ввевшиеся в кровь: прямая спина, скупые жесты, умение держать паузу и брать ответственность. Офицерская косточка. Честь и совесть, которые не сдаются в гардероб вместе с формой.

Другое его место — Курган Бессмертия, где горит Вечный огонь. Перед особо сложными процессами, когда на кону судьба человека, он иногда заходит туда. Снимает шапку, стоит молча. Брянская земля пропитана кровью тех, кто не сдался. И это помогает — не сдаваться сегодня.

Однажды, стоя у огня, он сказал молодому стажеру:

— Запомни. Адвокат — это не профессия. Это состояние войны. Войны с несправедливостью. Здесь, в Брянске, каждый второй воевал — кто с фашистом, кто с беззаконием. И мы должны быть достойны.

Эти слова не были громкой фразой. Они стали смыслом его жизни.

Часть вторая. ТРИ ИСТОРИИ

Можно перечислять победы в судах, цитировать статьи законов, приводить проценты выигранных дел. Но настоящая мера человека — не в цифрах. А в историях, которые за каждой цифрой стоят. Живых, часто мучительных, всегда — о правде.

Вот три такие истории. Три судьбы, которые прошли через сердце и кабинет Павла Валерьевича Шумова.

Первая история. ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Василия Петровича привезли к Шумову родственники. Мужчина был убит — не болел, не плакал, а сидел с каменным лицом, сжимая побелевшие кулаки. Лесник с тридцатилетним стажем, ветеран лесного хозяйства, он оказался под следствием по обвинению в уничтожении лесных насаждений в крупном размере. Ему грозил реальный срок и астрономический штраф.

В тот день была сухая гроза. Молния ударила в сосну — дерево вспыхнуло свечой. Василий Петрович бросился тушить один, потому что «пока бригада соберется, лес сгорит».

Он тушил пять часов, получил ожоги рук, дышал гарью, падал от усталости, но огонь все же перекинулся на полтора гектара.

Следствие решило: лесник нарушил инструкцию, не вызвал подмогу сразу, не обеспечил локализацию. Виновен.

Павел Валерьевич не стал читать бумаги в кабинете. Он уехал в лес. В тот самый. Ходил по горям целый день — считал пни, фотографировал направление ветра, изучал протоколы метеослужбы, разговаривал с пожарными. Вернулся поздно, грязный, уставший, с обгоревшей веткой, торчащей из портфеля.

— Павел Валерьевич, вы там заблудились? — спросили в коллегии.

— Нет, — ответил он, вытирая сажу с лица. — Я понял, что ветер сменился трижды за два часа. Ни один человек, даже лесник с тридцатилетним стажем, не мог предсказать такую динамику. Это акт природы. Небрежности нет.

В суде он не кричал. Не рвал рубашку на груди. Он говорил тихо, спокойно, по-офицерски раскладывая на столе фотографии, схемы ветров, заключения независимых экспертов. А потом вытащил тот самый обгоревший пенек и показал суду направление волокон: огонь пришел не от лесника, а со стороны сухой лощины.

— Ваша честь, — сказал Шумов, и в зале замерли все, даже судебные приставы, — перед вами человек, который спас лес, а не жег его. Он получил ожоги, он потерял здоро-

вье. Его хотят наказать за героизм.

Судья взял паузу на двадцать минут. А когда вернулся, огласил: оправдательный приговор. Обстоятельства непреодолимой силы.

Василий Петрович плакал в зале суда. Не стыдясь, не прячась. Он обнял Шумова и сказал только одно:

— Павел Валерьевич, дай Бог вам здоровья... Вы единственный, кто приехал в тот ад. Кто своими ногами прошел по пеплу.

Шумов тогда ответил коротко, по-военному, без пафоса: — Солдат не бросает своих. А вы, Василий Петрович, солдат. Лесной фронт — он тоже фронт.

Вторая история. ПОДКИНУТЫЙ РЕБЕНОК

Это дело Павел Валерьевич вспоминает редко. И всегда с тяжелым сердцем.

Ранним утром в подъезде одной из многоэтажек Бежицы нашли новорожденного. Мальчика. Живого, но замерзшего, завернутого в мужскую куртку. Камеры видеонаблюдения зафиксировали женщину, которая торопливо вышла из подъезда и исчезла в утреннем сумраке. Ее нашли быстро. Молодая, девятнадцать лет, одна, без работы, без жилья, без поддержки. Органы опеки и следствие требовали одного: лишения родительских прав и уголовного дела за покушение на убийство.

Многие адвокаты отказались. Дело слишком резонансное, общественное мнение настроено на кару. «Как можно? Бро-

свить младенца? В подъезде?»

Павел Валерьевич приехал в изолятор и смотрел на эту убитую горем девочку долго, молча. А потом спросил:

— Ты его любишь?

— Больше жизни, — выдохнула она, сжимая край стола.

— Тогда будем бороться.

Он поднял архивы, нашел свидетелей, добыл справки. Оказалось: от отца ребенка девушка ушла из-за побоев, родные выгнали из дома, пособие не платили, в соцзащите сказали «ждать очередь в общежитие полгода». Она не хотела убивать сына. Она хотела ему спасения — страшным, нелепым, отчаянным способом, но искренне верила: «пусть его найдут хорошие люди, а я пропаду».

Шумов привел в суд детского психолога, который подтвердил: ребенок здоров, ухожен за время следствия, мать приходила на свидания каждую неделю, носила игрушки, сшила пеленки своими руками.

— Ваша честь, — сказал адвокат, и голос его дрогнул впервые за много лет, — суд карает злой умысел. А здесь — отчаяние. Отчаяние молодой женщины, которую бросили все. Ребенок жив, здоров, он будет расти с матерью. Разве это не есть высшая справедливость?

Судья молчала три минуты. Потом вынесла решение: условный срок, родительские права сохранить.

Через год Павел Валерьевич получил фотографию: молодая женщина с коляской, в парке, рядом — ее новая комната

в общежитии (он помог и с этим). На обороте было выведено детским почерком: «Спасибо. Вы спасли нас двоих. Сын подрастет — будет знать ваше имя».

Шумов хранит это фото в ящике стола. Не для отчетности. Для себя. Чтобы помнить: закон суров, но душа человеческая суровее быть не должна.

Третья история. ЗАСТРОЙЩИК

Это дело тянулось два года. Настоящая война — с бетоном, деньгами и питерскими юристами, которым платили миллионы.

В Советском районе Брянска крупная строительная компания затеяла снос старой двухэтажки. Тридцать семей — пенсионеры, рабочие, молодые пары с детьми — попали под ковш. Им предложили компенсацию, которой не хватило бы даже на комнату в общежитии, а «квартиры в новостройке» оказались в промзоне, без школ, без поликлиник, без дорог.

Люди пришли к Шумову всей улицей. Мужчины с мозолистыми руками, бабушки с узелками и слезами. Павел Валерьевич вышел к ним на крыльцо коллегии — это было воскресенье, лил дождь. Он не пригласил их в кабинет, не сказал «приходите в понедельник». Он встал под зонт и слушал два часа, не перебивая.

— Мы вам заплатить не сможем, — сказал старший, дед Игнат, сухой, как щепка, но с живыми глазами.

— А я не за деньги, — ответил Шумов. — Я за правду. Заходите, пишем иск.

Застройщик нанял бригаду из Петербурга — настоящих «акул пера». Они дробили иски, затягивали процессы, подкупали экспертов, запутывали следы. Но Шумов оказался не один — он поднял ветеранов-архитекторов, нашел независимых геологов, сделал оценку земли. И доказал главное: старый дом — не аварийный. Он «подлежит реконструкции», а снос — это коррупционная схема, прикрытая красивыми словами.

Самое сильное было в конце. На последнем заседании Павел Валерьевич вытащил из портфеля обычный булыжник. Серый, шершавый, ничем не примечательный. Судья поднял бровь:

— Что это?

— Фундамент их дома, — спокойно ответил адвокат. — Я нанял геологов. Вот заключение: грунты устойчивы, фундамент цел. Дом не рушится. А этот камень — символ того, что они хотят растоптать. Жизни тридцати семей.

Застройщик проиграл. Жильцы получили квартиры в центре Брянска — с ремонтом за счет компании. Дед Игнат принес Шумову банку лесного варенья и бутылку домашней наливки. Павел Валерьевич варенье взял — уважил старика. А наливку вернул:

— Я за рулем, дед Игнат. Спасибо, но выпейте сами. За вашу новую квартиру.

Старик рассмеялся, обнял адвоката и сказал так громко, что весь коридор суда слышал:

— Павел Валерьевич, золотой вы человек. Не адвокат — совесть наша!

Часть третья. ДОМ, ГДЕ ЖДУТ

Но самым ярким светом Павел Валерьевич загорается не в зале суда. А дома.

Дом Шумовых стоит в тихом районе, где по утрам поют соловьи и окна утопают в сирени. Это царство женщины, которую Павел Валерьевич с уважением и нежностью называет «Главкомандующей». Жена его — редкий человек. Тихая, мудрая, с улыбкой, которая лечит лучше любых лекарств.

— Как ты выдерживаешь его график? — спрашивают подруги.

— А я его не выдерживаю, — смеется она. — Я его просто люблю. Он же, как санитарная машина: если кто-то позвал — поедет. Даже ночью.

И правда: в семье Шумовых давно принято правило — никаких обид на пропущенные ужины и отложенные выходные. Потому что все знают: папа спасает. Не абстрактную Фемиду, а конкретного дядю Витю из Фокинского района или ту самую маму, у которой хотят отобрать ребенка.

Но есть в их семейной жизни святые ритуалы, которые не нарушает никто. Один из них — пятничные шахматы.

Каждую пятницу, если Павел Валерьевич в городе, на кухне расставляется доска. Две его дочери — старшая, серьезная, в отца, и младшая, озорная, вся в маму — усаживаются напротив. Отец строго говорит:

— Без компьютеров. Только голова.

Он учит их не просто ходам — он учит просчитывать жизнь. «Пожертвовал пешку — получил атаку. Сделал необдуманый ход — проиграл партию. Так и в жизни, девочки. Иногда нужно отступить, чтобы выиграть главное».

Однажды младшая расплакалась, проиграв всухую. Павел Валерьевич не стал ее жалеть — по-офицерски строго сказал:

— Слезы оставь для настоящей боли. А в игре плакать нечего. Проиграла — разбери ошибки, улыбнись и иди в бой заново.

Но потом взял на руки, прижал к груди и добавил тихо:

— А я тебя все равно люблю. Даже проигравшую.

Старшая дочь тогда спросила:

— Пап, а ты часто проигрывал в суде?

— Да, — честно ответил он. — Но никогда не сдавался.

И запомни: проигранное дело — это не конец. Это задание на дом. Понять, где прокололся, и больше так не делать.

Шахматные пятницы — это святое. Иногда к ним присоединяется жена — с чаем и своими фирменными пирогами с брусникой. Тогда кухня Шумовых становится самым теплым местом в Брянске. За окном — ветер, вечерняя тьма, а здесь свет, смех, деревянные фигуры на доске и голос Павла Валерьевича: «Делайте ход, дамы. Только обдуманно».

Часть четвертая. НОВЫЙ ГОД В СЕМЬЕ ШУМОВЫХ

Если спросить у дочерей, какое у них самое любимое воспоминание об отце, они не назовут судебные победы. Они скажут: Новый год.

Готовиться Шумовы начинают за две недели. Павел Валерьевич собственноручно выбирает елку на базаре у Дворца культуры — не искусственную, а настоящую, чтобы пахло лесом и морозом. Дома он возится с ней долго: ставит в ведро с песком, проверяет, устойчиво ли, крутит, осматривает со всех сторон.

— Пап, ну хватит уже, елка и так стоит! — кричат дочери.

— Офицерский глаз, — отмахивается он. — А если упадет на празднике? Это же катастрофа.

Игрушки — старые, еще из маминого детства, стеклянные, с потертостями. Павел Валерьевич вешает их с какой-то особой, трогательной нежностью. Особенно бережет двух: красного космонавта в скафандре и стеклянную кукурузу — странную, непонятную, но почему-то родную.

Под бой курантов он поднимает бокал. Не с шампанским — он почти не пьет, — а с клюквенным морсом, который жена варит по бабушкиному рецепту.

— Желаю вам, — говорит он, глядя на жену и дочерей, — чтобы каждый ваш день был под защитой. Чтобы всегда было кому за вас заступиться. А если меня не будет рядом — помните то, чему я вас научил. Свою честь и совесть, не продавайте ни за какие деньги.

После боя курантов он выходит на балкон, один. Стоит,

смотрит на брянское небо, на редкие салюты. Жена молча подходит, встает рядом, укрывает его пледом.

— О чем, Паша?

— О людях, у которых нет елки. О тех, кто в камерах. О маленьком том мальчишке из Бежицы, которого подкинули.

— Завтра, Паша. Завтра ты им поможешь. А сегодня — Новый год. И ты дома.

Она уводит его за стол. Там дочери уже тащат подарки. Старшая дарит галстук — синий, в мелкую звездочку, очень строгий. Младшая — рисунок: папа в мантии Фемиды, но с лицом открытым и добрым, и надпись: «Лучший адвокат на свете!»

Павел Валерьевич надевает галстук поверх домашнего свитера. И сидит так весь вечер. И никто не смеется. Потому что это правильно. Потому что это — честь, совесть и любовь, собравшиеся за одним столом в городе Брянске.

Часть пятая. ЭПИЛОГ. ПОДАРОК БЛАГОДАРНЫХ

Можно много говорить о победах в судах. О «процентном соотношении выигранных дел» и рейтингах адвокатов. Но настоящая мера человека — не в цифрах. А в глазах тех, кто приходит к нему на улицу, жмет руку и говорит: «Вы нас вытащили, Павел Валерьевич».

В Брянской области знают: если в деле участвует Шумов — это не спектакль, это поединок. Он не кричит на заседаниях, не ломает комедию. Он говорит тихо, но так, что слова

его отдаются звоном в прокурорских кабинетах и чиновничьих приемных.

Настоящий слугитель Закона с большой буквы. Тот, кому можно доверить и уголовное дело о клевете, и раздел имущества, и судьбу ребенка. Потому что за буквой закона он видит человека. А за статьей Уголовного кодекса — живую, дышащую, иногда смертельно уставшую, но не сломленную жизнь.

Этот рассказ — не пафосная ода. И не сухой отчет о победах. Это взгляд благодарных. Тех, кто, сидя на скамье подсудимых, чувствовал рядом твердое офицерское плечо. Тех вдов, которым он вернул пенсии. Тех матерей, чьих сыновей он уберег от тюрьмы по ложному обвинению. Тех тридцать семей из старой двухэтажки, кто теперь пьет чай в новых квартирах и поминает адвоката Шумова добрым словом.

Павел Валерьевич Шумов, адвокат города Брянска. Муж. Отец. Русский офицер. Человек с безотказной душой.

Пусть эта маленькая повесть станет началом большой семейной саги. Где будут еще главы: как дочери пошли по стопам отца (или выбрали свой путь, но с его заветами), как жена встречает его после тяжелых процессов, как город чтит своего защитника.

Живите долго, Павел Валерьевич. Ваша честь и совесть — это маяк. А маяки не гаснут.

Брянск — Москва, 2026 год

С добрым помыслом и глубоким уважением — благодарные жители земли Брянской

СЕМЕЙНАЯ САГА «ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ» КНИГА ВТОРАЯ

Война, любовь и справедливость

ПРОЛОГ. ТЕНЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Брянск, февраль 2026 года.

Ночь. Снегопад. Павел Валерьевич Шумов сидит в своём кабинете один. За окном — тихий, уснувший город. На столе — папка с делом, которое он выиграл три года назад. Дело против Арсения Белецкого — олигарха, строительной империи, человека без тени и без совести.

Павел выиграл тогда. Тридцать семей получили квартиры. Белецкий выплатил компенсацию. Но перед этим прислал СМС: «Вы выиграли битву, Шумов. Но войну — нет. Я вернусь».

Павел не забыл эти слова. Они жили в нём, как заноза. Каждый раз, когда он выходил из подъезда, оглядывался. Каждый раз, когда звонил неизвестный номер, напрягался. Но годы шли, Белецкий молчал. И Павел почти поверил, что враг отступил.

Сегодня он получил письмо. Без обратного адреса. В конверте — фотография. На ней — его дочь Настя. Сделанная вчера, у медицинского университета в Санкт-Петербурге. На обороте — размашистый почерк:

«Привет, Шумов. Скучали? Я — да. Играем дальше. Первый ход за мной».

Павел сидит неподвижно. В голове — тишина. Потом — шум крови. Потом — холодная, ледяная ярость, какую он не чувствовал никогда.

Он берёт телефон. Набирает номер дочери.

— Настя, ты где?

— В общаге, пап. А что?

— Ничего. Просто... будь осторожна. Не открывай никому дверь.

— Пап, ты меня пугаешь.

— Не бойся. Просто слушайся. Я приеду.

— Когда?

— Завтра.

Он кладёт трубку. Смотрит на фотографию. На улыбающуюся Настю. На её красную куртку, синий рюкзак, вечно растрёпанные волосы.

— Белецкий, — шепчет он. — Ты выбрал не ту семью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

Глава 1. Возвращение врага

Павел летит в Питер первым же рейсом. Не говорит Ольге правду — только: «Командировка». Но Ольга не глупая. Она видит его глаза, сжатые челюсти, собранную наспех сумку.

— Паша, что случилось?

— Ничего. Работа.

— Ты врешь.

— Да. Но потом всё расскажу. Сейчас — нельзя.

Она не спорит. Она знает мужа двадцать пять лет. Если он говорит «нельзя» — значит, действительно нельзя.

— Возвращайся, — говорит она.

— Всегда, — отвечает он.

В Питере Павел встречается с Настей. Они сидят в маленьком кафе на Васильевском острове. Настя пьёт капучино, Павел — чёрный кофе без сахара.

— Пап, ты меня напугал.

— Прости. Но есть проблема.

Он показывает ей фотографию. Настя бледнеет.

— Это... кто?

— Арсений Белецкий. Олигарх. Враг. Он охотится на меня. И теперь — на нашу семью.

— Что ему нужно?

— Мечь. Я выиграл у него дело. Тридцать семей получили квартиры. Он потерял миллионы и лицо. Такие, как он, не прощают.

Настя молчит. Потом говорит:

— Что делать?

— Пока — ничего. Будь внимательна. Не гуляй одна поздно. Не открывай дверь незнакомцам. Я найму тебе охрану.

— Пап, я не хочу охрану!

— А я не хочу, чтобы тебя похитили. Поэтому охрана будет.

Она вздыхает. Но кивает.

— Хорошо. Только не говори маме. Она перепугается.

— Уже поздно. Она чувствует.

Павел обнимает дочь. Крепко, по-отцовски.

— Я никому не дам вас тронуть, — шепчет он. — Слышишь? Никому.

В тот же вечер Павел встречается со старым другом — полковником полиции Григорием Сазоновым. Они знакомы двадцать лет, Сазонов помогал Павлу по делу Белецкого. Григорий — человек старый, мудрый, с седыми усами и руками, помнящими войну.

— Гриша, Белецкий вернулся, — говорит Павел без предисловий.

Сазонов мрачнеет.

— Знаю. Мне докладывали. Он активизировался. Купил несколько компаний в Брянске. Лоббирует интересы в администрации. Ищет, кого бы съесть.

— Он прислал фото моей дочери.

Сазонов свистит.

— Плохо. Очень плохо. Ты заявление писал?

— Нет ещё. Толку? Он же через подставных действует.

— Всё равно пиши. Бумага создаёт след.

— Напишу. Но сначала — я хочу понять его план.

Сазонов открывает ноутбук. На экране — досье на Белецкого. Фото, схемы, связи, компании, счета за границей.

— Он не просто мстит, Паша. Он хочет тебя уничтожить. Профессионально, репутационно, физически. У него есть

люди. Деньги. Связи в прокуратуре. Будет тяжело.

— Я знаю. Но я не отступлю.

— Я с тобой, — говорит Сазонов. — Чем смогу — помогу.

— Спасибо, Гриша.

— Не благодари. Мы же друзья.

Глава 2. Первый удар

Через неделю Павел получает новый удар. Его подзащитный — владелец малого бизнеса, которого Белецкий пытается выдвинуть с рынка — внезапно отказывается от услуг Шумова.

— Извините, Павел Валерьевич, — говорит он по телефону глухо, как под дулом пистолета. — Я нашёл другого адвоката.

— Кого?

— Неважно. Не звоните мне больше.

И кладёт трубку.

Павел перезванивает — номер заблокирован.

Он понимает: Белецкий действует. Скупает свидетелей, перекупает клиентов, подкупает чиновников.

— Это только начало, — говорит он Ольге вечером.

— Чего?

— Войны.

Ольга молчит. Она уже знает про фотографию, про угрозы, про Белецкого. Она не плачет. Она сильная.

— Паша, может, уедем? Времено? К Насте в Питер? Или за границу?

— Нет. Если я уеду — он победит. А я не проигрываю.

— Ты упрямый, как твой дед, — говорит Ольга.

— Это комплимент, — улыбается Павел.

Но улыбка выходит грустной.

Глава 3. Похищение Насти

Это случилось в марте. Весна ещё не вступила в права, в Питере было сыро и ветрено.

Настя возвращалась из университета поздно. Она задержалась на кафедре — разбирала истории болезней, готовилась к коллоквиуму. Охрана (тот самый человек, которого нанял Павел) ждал у входа.

Они прошли два квартала. Стемнело. В переулке, где не горели фонари, из тени вышли трое. Короткие, плотные, без лиц — в чёрных балаклавах.

— Девушка, пройдёмте с нами, — сказал один.

Охранник попытался вмешаться. Его ударили по голове. Он упал и не шевелился.

Настя побежала. Но куда? Переулок глухой, стены, контейнеры с мусором. Её схватили за руку, заткнули рот платком с противным сладковатым запахом. Мир поплыл, побледнел, исчез.

Она очнулась в машине. Связанные руки, скотч на рту. Рядом — двое молчаливых мужчин. За окном — темнота, огни, мост, Нева.

«Папа, — подумала она. — Папа, спаси меня».

Павел узнал о похищении в два часа ночи. Звонил охран-

ник — живой, но с сотрясением, без телефона, без Насти.

— Я не уберёг, Павел Валерьевич...., Убили меня, но я не уберёг... — плакал он.

— Не вини себя, — сказал Павел. — Ты жив — уже хорошо. Найдём.

Он положил трубку. Посмотрел на Ольгу. Она уже поняла по его лицу.

— Настя? — спросила шёпотом.

— Похищена.

Ольга не закричала. Она медленно сползла на пол и закрыла лицо руками.

Павел сел рядом, обнял.

— Мы её найдём. Я обещаю.

— Как? — спросила она в пустоту.

— Как дед. По-разведчески.

Глава 4. Расследование

Павел не стал ждать полицию. Он позвонил Сазонову.

— Гриша, Настю похитили.

— Когда?

— Час назад. В Питере.

— Чёрт. Есть идеи, кто?

— Белецкий. Кто же ещё.

— Я поднимаю связи в Питере. Дай мне время.

— Время — это то, чего у нас нет.

Павел сел в машину и поехал в Питер сам. Всю ночь за рулём, под проливным дождём, не останавливаясь. Ольга оста-

лась дома — звонить, молиться, ждать.

В Питере он встретился с начальником полиции — старым знакомым по прошлым делам. Человеком жёстким, негромким, по фамилии Кравцов.

— Павел Валерьевич, я вам сочувствую. Но у нас нет заявления, нет ориентировок, ничего.

— Я пишу заявление сейчас. А вы даёте мне людей.

— Не могу. Это не мой город.

— Это ваш город, если в нём похищают дочь русского адвоката. Или вы боитесь Белецкого?

Кравцов помолчал. Потом кивнул:

— Трое суток. Потом — без меня.

— Спасибо.

Через сутки нашли машину — брошенный «Мерседес» в промзоне на окраине. Без номеров, без следов, без Насти. Только отпечатки — чужие, не в базах.

Павел сам объехал промзону. Заглядывал в каждый ангар, под каждую лестницу, в каждый подвал. Запах сырости, мазута, старых тряпок. Ни следа.

Он остановился посреди пустыря. Дождь лил по лицу.

«Где ты, дочка? — думал он. — Где?»

И вдруг — звонок. Скрытый номер.

— Шумов, — голос изменён, эхо.

— Слушаю.

— Твоя дочь у нас. Жива. Пока.

— Что надо?

— Белецкий хочет встречи. Личной. Завтра, в полдень. В ресторане «Брянск» на набережной. Придёшь один. Без телефона, без оружия. Скажешь «да» на одно предложение. Тогда дочь получишь.

— А если нет?

— Тогда получишь её по частям.

Гудки.

Павел стоял под дождём, сжимая телефон. В голове крутились мысли: «Идти? Не идти?». Он знал — ловушка. Но что ему оставалось?

Он поехал в Брянск. На встречу к врагу.

Глава 5. В логове зверя

Ресторан «Брянск» пустовал. Столы накрыты, но гостей нет. Только у входа — двое здоровенных парней в чёрном.

— Телефон, — сказал один.

Павел отдал. Его обыскали. Не нашли ничего — он и не брал.

Парни кивнули. Провели в банкетный зал.

За столом сидел Арсений Белецкий. Он не изменился за три года — гладко выбрит, дорогой костюм, на пальце перстень с бриллиантом. Глаза — маленькие, злые, с прищуром.

— Садитесь, Павел Валерьевич, — сказал он, не вставая.

— Чай? Кофе? Коньяк?

— Где моя дочь? — спросил Павел, не садясь.

— Сначала — разговор.

— Я не сяду, пока не увижу, что она жива.

Белецкий вздохнул. Достал телефон, нажал на видео. На экране — Настя. Сидит на стуле, бледная, но целая. Волосы спутаны, на щеке синяк. Она смотрит в камеру и говорит:

— Папа, не сдавайся. Я знаю, ты меня найдёшь.

Видео обрывается.

— Жива, — сказал Белецкий. — Пока. Теперь сядьте.

Павел сел. Напротив врага.

— Что вам нужно? — спросил он.

— Вы, Шумов. Мне нужно, чтобы вы исчезли. Из профессии. Из города. Из жизни.

— Конкретнее.

— Я предлагаю вам сделку. Вы отказываетесь от всех дел против моих компаний. Пишете заявление о выходе из адвокатской коллегии. Уезжаете за границу. Живете тихо. Я даю вам миллион долларов и гарантию безопасности вашей семьи.

— А если я откажусь?

— Тогда Настя умрёт. Потом — Ольга. Потом — Полина с будущим ребёнком. А потом — вы. Долго, мучительно. Я хорошо плачу людям, которые умеют делать больно.

Павел смотрел на него. В нём боролись два человека. Отец, который готов отдать всё за дочь. И офицер, который не сдаётся врагу.

Он выбрал третье.

— Я подумаю, — сказал он.

— Двадцать четыре часа, — ответил Белецкий. — Потом — труп.

Павел встал. Пошёл к выходу. На пороге обернулся.

— Вы совершаете ошибку, Белецкий.

— Это вы, Шумов. Это вы.

Глава 6. Операция «Честь»

Павел не пошёл домой. Он поехал к Сазонову. Тот ждал с полковником Кравцовым — тот прилетел в Брянск тайно.

— Рассказывай, — сказал Сазонов.

Павел рассказал всё. Про видео, про угрозы, про время — двадцать четыре часа.

Кравцов слушал, почёсывая щетину.

— Это война, Шумов. Мы должны нанести удар первыми.

— Я знаю. Но Настя у них.

— Мы найдём её. У меня есть люди в Питере. Они уже работают.

— Сколько нужно времени?

— Двенадцать часов.

— Даю. Потом я иду сам.

Двенадцать часов превратились в восемнадцать. Павел не спал, не ел, не пил. Он сидел в кабинете Сазонова, смотрел на карту, слушал переговоры по рации.

Ольга звонила каждые полчаса.

— Паша, где Настя?

— Скоро.

— Ты нашёл её?

— Почти.

Он врал. Не находили. Следы обрывались.

На девятнадцатом часе Кравцов позвонил:

— Есть адрес. Промзона, северная часть Питера. Склад бывший. Охрана — восемь человек. Настя внутри.

— Спасибо, — сказал Павел. — Теперь моя очередь.

— Нет, Шумов. Ты не оперативник. Мы пошлём группу захвата.

— Я полечу с ними.

— Это опасно.

— Это моя дочь.

Кравцов вздохнул. Потом сказал:

— Бронежилет надень.

— Обязательно.

Спецоперация длилась четырнадцать минут. Павел не лез вперёд — не дурак. Он шёл за спецназом, смотрел, как профессионалы ломают двери, кричат «Всем на пол!», вяжут охрану.

А потом он увидел её. Настю. Маленькую, бледную, в грязной одежде, с синяком на скуле. Она сидела в углу склада, сжавшись в комок.

Павел подбежал, упал на колени, обнял.

— Папа, — прошептала она. — Папа, ты пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.